

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-339-343

УСАНОВ Владимир Евгеньевич,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Университета «Синергия»,
e-mail: vusanov@mail.ru

ЧЕРКАШИНА Алла Михайловна,
доцент Университета «Синергия»,
e-mail: Cherkashinaalla@mail.ru

ДОГОВОР КАК ФОРМА ПРИЗНАНИЯ И НОРМАТИВНОСТИ ВОЛИ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье договор рассматривается как форма признанной и нормативной воли в частном праве. На основе философии права Гегеля показывается, что договор не сводится к тексту соглашения или техническому основанию обязательства. Он является формой, в которой индивидуальная воля соотносится с другой волей, получает признание и приобретает обязательное значение. Обосновывается различие между условием договора и нормативным содержанием договорного отношения. Делается вывод о договорной норме как индивидуальном правиле поведения, возникающем из признанной воли сторон.

Ключевые слова: договор, частное право, Гегель, признание, воля, нормативность, обязательство, договорная норма.

USANOV Vladimir Evgenievich,
Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor of Law, Professor,
Professor at Synergy University

CHERKASHINA Alla Mikhailovna,
Associate Professor at Synergy University

CONTRACT AS A FORM OF RECOGNITION AND NORMATIVITY OF WILL IN PRIVATE LAW

Annotation. The article examines contract as a form of recognized and normative will in private law. Drawing on Hegel's philosophy of right, it shows that contract is not reducible to the text of an agreement or to a technical basis of obligation. Contract is understood as a form in which individual will enters into relation with another will, receives recognition, and becomes binding. The article distinguishes between a contractual term and the normative content of a contractual relationship. It concludes that a contractual norm may be understood as an individual rule of conduct arising from the recognized will of the parties.

Key words: contract, private law, Hegel, recognition, will, normativity, obligation, contractual norm.

Современная цивилистика рассматривает договор как ключевой инструмент частноправового регулирования, однако часто описывает его технически: через согласование условий, распределение рисков, последствия нарушения и правила толкования. При таком подходе договор предстает главным образом как текст или процедура, а его значение

как формы признанной и обязательной воли отходит на второй план.

Обращение к философии права Гегеля позволяет восстановить иной уровень анализа. Если собственность выражает волю в ее первоначальной внешней определенности, то договор раскрывает ее как соотносенную с другой волей и признанную ею. В этом смысле договор является

не только соглашением и основанием обязательства, но и формой, в которой воля приобретает нормативное значение. Актуальность исследования определяется необходимостью выявить эту внутреннюю структуру договора в современной цивилистике.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть договор как форму признанной воли, приобретающей нормативную определенность в частном праве. Для достижения этой цели необходимо реконструировать гегелевское понимание договора, разграничить договор как форму признания и договор как текстуально выраженное соглашение, показать различие между условием договора и нормативным содержанием договорного отношения, раскрыть обязательность как результат согласованной воли, определить место договора в становлении обязательства и подготовить понятийное основание для дальнейшего анализа договорной нормы как индивидуального правила поведения сторон.

Для логики Гегеля, развернутой в «Философии права», право не является внешним набором предписаний: оно есть «наличное бытие свободной воли» [1, с. 54], а потому каждая правовая форма должна быть понята как определенный способ существования свободы. Отсюда и исходный пункт абстрактного права: личность как чистое соотношение воли с собой, как правоспособность, которой соответствует заповедь «будь лицом и уважай других в качестве лиц» [1, с. 66]. Собственность в этой последовательности является первой объективной определенностью свободы, поскольку лицо должно дать себе внешнюю сферу бытия и вложить свою волю во внешнюю вещь [1, с. 70]. Иначе говоря, вещь становится «моей» не потому, что она фактически и юридически находится под моей властью, а потому, что в ней положена воля субъекта [1, с. 71].

Но именно в этом обнаруживается граница собственности как формы. Она необходима, потому что без нее воля остается лишь внутренней возможностью; однако она еще недостаточна, потому что в собственности воля соотносена преимущественно с вещью, а не с другой волей. Гегель прямо связывает переход к договору с тем, что собственность как наличное бытие воли есть «бытие для другого» [1, с. 96] и, следовательно, должна войти в отношение воли к воле; только в этом опосредствовании свобода получает свою «своеобразную и подлинную почву» [1, с. 96]. Поэтому договор возникает не после собственности как эмпирически удобный механизм обмена, а изнутри ее понятия: собственность должна быть не только моей, но и признанной другой волей в общей воле [1, с. 97].

Здесь потребуются уточнение по отношению к нашей прежней реконструкции собственности как формы юридической воли [2, с. 235-241]. Этот тезис сохраняет полную силу, однако для целей настоящей статьи его недостаточно. Если остановиться на собственности, то воля останется объективированной, но еще не признанной. В § 72–74 «Философии права» Гегель показывает, что договор есть процесс, в котором я остаюсь собственником именно постольку, поскольку в тождественной с другой воле перестаю быть собственником данной вещи [1, с. 97]; тем самым собственность снимается не в смысле уничтожения, а в смысле перехода к более развитой форме свободы. В отличие от трактовки договора как приложения к собственности, договор должен быть понят как следующая ступень самой формы свободы — как переход от «моего» к признанному отношению волей.

Ключевой гегелевский тезис состоит в том, что договор предполагает признание сторонами друг друга лицами и собственниками. Это положение нельзя читать как внешнее моральное украшение гражданско-правового отношения. Напротив, сам Гегель подчеркивает, что момент признания уже содержится в договоре как в отношении объективного духа. Следовательно, договор не просто соединяет два волеизъявления и не просто координирует интересы; он учреждает такую общность, в которой каждая воля признает другую способной обладать вещью, отчуждать ее и связывать себя юридическим образом. Без этого минимального признания не было бы самой общей воли, а было бы лишь параллельное сосуществование двух произвольных решений [1, с. 97].

Отсюда вытекает различие между договором как фактом согласования и договором как формой взаимного признания. Согласование можно мыслить технически: как совпадение оферты и акцепта, как синхронизацию условий, как формальный результат переговоров [3, ст. 432, 433, 435, 438]. Но договор в собственном смысле начинается там, где воля становится адресованной другой воле и получает от нее встречное подтверждение своей юридической значимости [1, с. 97]. Гегель описывает это как единство различных волей, в котором различенность не исчезает, а сохраняется в общей воле; стороны остаются самостоятельными лицами, но уже не замкнутыми в себе. Данный подход позволяет принять гегелевскую конструкцию признания, однако для целей частного права требуется ее цивилистическое уточнение: сегодня признание выражается не только в философской фигуре лица и собственника, но и в юридически закрепленной способности сторон создавать обязательственное отноше-

ние, в котором каждая вправе требовать от другой исполнения признанной ею обязанности [3, ст. 307, 309, 420].

Такое уточнение особенно важно потому, что современная догматика часто подменяет взаимное признание воли процедурой. При этом создается впечатление, будто договор возникает уже потому, что стороны соблюли предписанную форму. Между тем форма значима лишь постольку, поскольку в ней содержится взаимное признание воли. Поэтому данный тезис принимается лишь в той части, в какой формальная сторона обеспечивает объективность волеизъявления; в остальном договор следует рассматривать здесь как правовую структуру, в которой одна воля становится значимой для другой не по факту наличия текста, а по факту их взаимного признания как источника обязательной связи.

Главный теоретический результат гегелевской конструкции договора заключается в том, что именно здесь воля впервые существует как нормативная. В разделе о неправде Гегель прямо говорит, что в договоре право в себе как положительное имеет свою «внутреннюю всеобщность» как нечто общее для произвола и особенной воли; а в анализе стипуляции подчеркивает, что именно она непосредственно обязывает к исполнению [1, с. 107]. Следовательно, обязательность договора нельзя вывести из последующего государственного принуждения как из первоисточника нормы. Принуждение может понадобиться позже, когда признанная воля будет нарушена; но сама нормативность возникает раньше — в момент, когда согласованная воля получает форму общей воли и тем самым становится обязательной для самих сторон.

Современное обязательственное право лишь позитивно фиксирует эту более глубокую структуру [3, ст. 307, 309, 310, 425]. Действующее гражданское законодательство определяет обязательство как отношение, в силу которого должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие или воздержаться от него, а кредитор имеет право требовать исполнения; договор, в свою очередь, вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения; обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства; односторонний отказ от исполнения, по общему правилу, не допускается. Все эти положения описывают уже ставшую нормативную форму воли. Они не создают ее из ничего, а юридически закрепляют тот переход, который в философско-правовом плане происходит в признанной общей воле сторон.

В этом пункте важным становится подход В.С. Нерсисянца, поскольку он показывает геге-

левскую философию права как целое: право, как бытие свободной воли, триаду абстрактного права, морали и нравственности, а также иерархию форм свободы [4]. Однако этот взгляд нуждается в сужении масштаба. Для частноправового анализа недостаточно констатировать, что договор принадлежит сфере абстрактного права; необходимо показать, каким образом внутри самой этой сферы возникает индивидуальная нормативность, то есть такое правило поведения, которое обязует не вообще в силу закона, а конкретно в силу признанной и согласованной воли сторон. Именно здесь системная гегелевская схема должна быть доведена до цивилистического вывода о договоре как источнике индивидуальной (собственно частноправовой) нормы.

Если договор есть признанная и нормативная форма воли, то его нельзя отождествлять с текстом. Сам Гегель специально подчеркивает различие между общей волей как соглашением и ее осуществлением, а также указывает, что заключенное соглашение, будучи пока представляемым, нуждается в особом наличном бытии — в знаках, жестах, речи, стипуляции. Но именно потому, что речь и знак суть формы явленности, а не сама субстанция содержания, текст договора не исчерпывает его правового смысла. Более того, Гегель прямо отмечает, что содержание договора есть уже окончательное решение воли по поводу предмета, тогда как словесное выражение лишь дает этому решению внешнее существование. Иначе говоря, условие выражает, но не исчерпывает нормативную волю [1, с. 97].

Современное право в этом отношении движется в том же направлении, хотя догматика нередко продолжает мыслить иначе. Статья 431 ГК РФ предписывает исходить из буквального значения слов и выражений, но сразу же требует устанавливать смысл неясного условия через сопоставление с другими условиями и смыслом договора в целом. Верховный Суд развивает эту мысль дальше: условия договора должны толковаться в их системной связи, с учетом цели договора и существа законодательного регулирования соответствующего обязательства [5]. Тем самым позитивное право и практика сами отказываются от представления, будто текст совпадает с содержанием договора. Буква условия — начальная точка; нормативное содержание устанавливается в пространстве целого, цели и общей воли сторон.

Отсюда возникает возможность, но пока еще не окончательное развертывание, категории договорной нормы. В отличие от распространенной трактовки, где все содержание договора сводится к набору условий, договорная норма должна пониматься как индивидуальное правило поведения, которое рождается из признанной воли и лишь

выражается в отдельных текстуальных формах. Такой подход позволяет сохранить значение письменной формы, однако не делает из нее фетиш. Он также дает основание для дальнейшего исследования толкования: интерпретируется в конечном счете не только словесная оболочка, но и то правило поведения, которое заключенный договор установил для сторон.

Договор не исчерпывается мгновением заключения именно потому, что в нем воля сохраняет себя во времени. Гегель мыслит договор как начало длительного отношения [1, с. 102]. Современная норма об обязательстве подтверждает это: обязательство связывает должника и кредитора определенным требованием действия или воздержания; с момента заключения договора эта связь становится обязательной; далее она должна реализоваться в надлежащем исполнении, а ее устойчивость охраняется запретом на произвольный односторонний отказ. Следовательно, обязательство есть не внешнее приложение к договору, а продолжение признанной воли в ее временном бытии. В этом состоянии воля не исчезает после подписания: она существует как длительное требование, адресованное будущему поведению сторон.

По этой причине нарушение обязательства нужно понимать не просто как экономическую неэффективность или технический сбой в исполнении. В гегелевских терминах неисполнение договорных условий уже есть первое принуждение, потому что одна сторона удерживает за собой то, что должна была предоставить другой, либо лишает ее того, что обязалась предоставить. В более общем виде право восстанавливается через отрицание своего отрицания: неправда показывает, что совпадение особенной воли и права оказалось случайным, но именно через восстановление этого совпадения право приобретает действительность. Ответственность потому и не отменяет договор, что она является формой сохранения договорной воли, когда та перестала осуществляться добровольно [1, с. 107].

Свобода договора составляет одно из основных начал гражданского законодательства: стороны свободны в заключении договора и в выборе его модели, включая договоры, прямо не предусмотренные законом. Но из этого вовсе не следует, что договорная воля равна произволу. Тот же нормативный массив исходит из равенства участников, свободы договора и одновременно признает возможность ограничения гражданских прав федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты иных конституционно значимых ценностей. Следовательно, автономия воли в частном праве изначально мыслится не как безграничная самодостаточность, а как юридиче-

ски оформленная свобода, существующая внутри правопорядка и потому допускающая пределы. Этот тезис позволяет сохранить свободу договора, однако требует отказаться от ее натуралистического понимания как простого следствия желания сторон.

Эти пределы не уничтожают договорную форму, а удерживают ее от распада в неконкретности. При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно содействуя достижению цели обязательства и предоставляя необходимую информацию; одновременно закон запрещает злоупотребление правом, включая заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Поэтому добросовестность, императивные ограничения и судебное усмотрение следует понимать не как внешнее навязывание морали договору, а как внутренние юридические условия сохранения признанной воли. Там, где одна сторона формально ссылается на свободу, но фактически разрушает саму возможность общего волеобразования, договор перестает быть формой признания и начинает вырождаться в видимость права [1, с. 107; 6].

Если принять, что договор есть форма признанной и нормативной воли, то следующим шагом неизбежно становится постановка вопроса о договорной норме. Она не тождественна отдельному условию и не сводится к факту заключения договора как юридическому факту. Ее следует понимать как индивидуальное правило поведения, возникающее в пространстве общей воли сторон и существующее в структуре обязательства. Именно поэтому содержание договора должно устанавливаться не по модели механического чтения текста, а по модели выявления той нормативной связи, которая выражена в тексте, но не исчерпывается им. В этом смысле договор уже выступает не только соглашением и не только основанием обязательства, но и формой рождения индивидуального частноправового правила.

В современных условиях проблема договорной формы приобретает дополнительную остроту: воля все чаще проходит через электронные интерфейсы, цифровые документы и автоматизированные механизмы исполнения. Действующее право уже признает письменную форму сделки соблюденной при использовании электронных или иных технических средств, допускает электронный документ и обмен электронными данными как форму договора, придает квалифицированной электронной подписи силу бумажного документа с собственноручной подписью и разрешает автоматическое исполнение обязательств с помощью информационных технологий без отдельно выра-

женного дополнительного волеизъявления. Чем более абстрактной становится форма выражения воли, тем острее встает вопрос о том, каким образом в ней сохраняется сам субъект признания и каким образом из нее выводится нормативное содержание обязательства [7].

Поэтому дальнейшее исследование должно быть направлено не просто на толкование договорного текста, а на толкование договорной нормы. Пока же достаточно зафиксировать исходный тезис: условие является способом словесного выражения признанной воли, тогда как договорная норма есть юридически значимое правило поведения, возникающее из этой воли и связывающее стороны в обязательстве. Отсюда следует и следующая статья: толкование необходимо не для того только, чтобы объяснить слова договора, но прежде всего для того, чтобы установить содержание той индивидуальной нормы, которую стороны создали своим признанным и согласованным волеизъявлением.

Список литературы:

- [1] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. — М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. — Т. VII. — С. 54.
- [2] Усанов В.Е., Кравцов С.С., Жеребченко А.В. Собственность как форма. // Образование и право. 2025. № 10. С. 235- 241.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Ст. 432, 433, 435, 438.
- [4] Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых

вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». П. 43.

- [6] Баскаков А.Т. Абстрактное право и неправое: социокультурные контексты идентификации. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т.13. № 4. С. 1068-1070.
- [7] Моисеев А. В. «Философия права» Гегеля: самосознание и критика исторического времени // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 12–19.

References:

- [1] Hegel G.V.F. Works. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz, 1934. Vol. VII. P. 54.
- [2] Usanov V.E., Kravtsov S.S., Zhrebchenko A.V. Ownership as a Form. Education and Law. 2025. No. 10. Pp. 235-241.
- [3] Civil Code of the Russian Federation. Part One. Art. 432, 433, 435, 438.
- [4] Nersesyan V.S. Hegel's Philosophy of Law. Moscow: Jurist, 1998.
- [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement." P. 43.
- [6] Baskakov A.T. Abstract Law and Wrong: Sociocultural Contexts of Identification. // Bulletin of Bashkir University. 2008. Vol. 13. No. 4. Pp. 1068-1070.
- [7] Moiseev A.V. Hegel's "Philosophy of Law": Self-Awareness and Critique of Historical Time // Philosophy of Law. 2015. No. 6 (73). Pp. 12-19.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.